

**ПЛИНИЙ МЛАДШИЙ,  
РЕЧЬ ДИОТИМЫ И ТИПЫ  
ЛИТЕРАТУРНОГО БЕССМЕРТИЯ**

И. Д. КОЛЕСНИКОВ

Саратовская государственная юридическая академия  
Саратовская государственная консерватория им. Л.В. Собинова  
kolesnikovid@mail.ru

---

ILYA KOLESNIKOV

Saratov State Law Academy

Saratov State Conservatory named after L.V. Sobinov

PLINY THE YOUNGER, DIOTIMA'S SPEECH AND TYPES OF LITERARY IMMORTALITY

ABSTRACT. The idea of literary immortality first appears in the Homeric epics: the heroes live on in glory. Further tradition develops this motif — we must imitate our heroes or ancestors, because only in this way will they be given due honor. But another (historical) understanding of literary immortality is also developing; it aims to save the past from oblivion, not to influence the present (written culture, as opposed to oral tradition, thinks in this way). Plato takes the position of “poetic” immortality in this matter, but he considered poetry in an ethical context and seeks to select poets who have the right to educate the youth. In the Hellenistic-Roman era, the semantic accents shift, and now the author himself claims literary immortality. The idea of the author’s immortality is mixed with the usual immortality in glory and with the religious immortality of the soul (the writer becomes a minister of the muses). Pliny the Younger’s position is limited neither to two “pure” types of literary immortality (“poetical” or “historical”), nor two “mixed” types (immortality in glory and immortality of a muses’ minister). Pliny outlined a new understanding of literary immortality — immortality as an exemplary author, as Cicero was for him.

KEYWORDS: Literary Immortality, Memory, Pliny the Younger, Plato.

\* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00627. This study was funded by Russian Science Foundation, project number 24-28-00627

---

В монументальном труде «Европейская литература и латинское Средневековье» Эрнст Роберт Курциус подробно останавливается на распространённой

идее литературного (и художественного) бессмертия. Однако стоит нам обратиться хотя бы к её античным истокам, как мы обнаружим, что идея эта указывает на подчас различные, а порой и не вполне совместимые между собой смыслы, выявлению которых и посвящена данная статья.

При историческом рассмотрении этого смыслового многообразия мы отдельно остановимся на двух авторах. Во-первых, это Платон, и прежде всего знаменитая «речь Диотимы» из «Пира»<sup>1</sup>, где поэтическое бессмертие впервые становится предметом теоретического осмысления. Платон не первый, кто озвучил эту мысль, но он первый, кто попытался дать ей философское обоснование, однако для понимания указанного места понадобится привлечение более широкого контекста. Во-вторых, Плиний Младший — автор, в чьём творчестве мотив «литературного бессмертия» оказывается едва ли не одним из центральных. Привлечение столь далёких фигур может создать видимость сравнительного метода в дурном смысле, но нашей целью является не сопоставление их, а исследование истории идеи литературного бессмертия, её возникновение и многовековое развитие, для уяснения которого два этих автора дают прекрасный материал.

### Между Клио и Каллиопой

В эпической традиции смерти противопоставлена слава: Ахилл стоит перед возможностью вернуться живым на родину или погибнуть, стяжав «бессмертную славу» (*κλέος ἄφθιτον*); на весть о скорой гибели, которую ему предрекает мать, он отвечает, что покроет себя великой славой (то же самое перед лицом гибели говорит себе Гектор)<sup>2</sup>. Мысль о том, что воспетое аэдом будет жить вечно и пребудет у всех на устах, появляется именно в устной традиции, и это важное уточнение, ибо мотив бессмертия письменного текста кажется более понятным: единожды написанное сохранится для будущего<sup>3</sup>. Но «бессмертная слава» означает не сохранение имени и сведений о жизни посредством записи, а повторяющееся устное воспроизведение. О.М. Фрейденберг писала: «Их [героев — И.К.] подвиги, поединки, смерти, поражения и победы ареальны, и о них поют в 'поминаниях', в 'славах', где герои оживают... и

<sup>1</sup> Pl. Smp. 206c—212a.

<sup>2</sup> Hom. Il. 9.413–416; 18.121; 22.304–305. Вопрос о том, принадлежит ли эта формула собственно Гомеру, или же её правомерно возводить к общей для праиндоевропейских культур формуле \**kléwos ḡd<sup>h</sup>g<sup>wh</sup>itom*, остаётся открытым (Finkelberg 2020, 1–8; 66–77).

<sup>3</sup> В таком виде о бессмертии через письменность задумывались и египтяне в XII веке до н.э., если судить по папирусу BM 10684 (Fostler 2001, 226–228).

только в них, по Гомеру и Пиндару, вечно живёт умерший»<sup>4</sup>. Казалось бы, очевидно, что песнь в настоящий момент повествует о герое, который жил когда-то в прошлом — но в глазах носителей устной традиции это неверно; герой, скорее, продолжает жить и живёт в этой песни, каждое его деяние живо в той степени, в какой о нём поют. Можно сказать, пусть и с некоторым преувеличением, что в устной традиции отсутствовала дистанция между «реальной жизнью» некоего героя и последующим его присутствием в эпической песни, между прошлым и настоящим; когда эпический поэт говорит о том, что герой жив в славе, это отнюдь не метафора. Сама память понималась в устной традиции иначе. Отмечая, что в гомеровских гимнах память обращена не только к погибшим героям, но и к богам, Э. Баккер задаётся вопросом: что это за память, обращённая к Аполлону? Это не прошлое, не история, и не традиция, ведь в гомеровском гимне речь идёт о памяти в отношении живого бога. «Вспомнить о боге значит обеспечивать — через настойчивую песню-речь — его (ритуальное) присутствие; вспомнить песню значит исполнить песню, то есть, перенести мир героев в настоящее. Вспомнить о пище, сне или телесной силе у Гомера значит есть, спать или быть сильным»<sup>5</sup>.

Затем формулы κλέος ἄφθιτον и ἀθάνατον κλέος выходят далеко за пределы эпоса, они встречаются у поэтов и историков, в речах ораторов и в эпитафиях<sup>6</sup>. Лирика унаследовала и сам мотив бессмертия в поэтическом слове: пусть тело и смертно, но имя человека будут помнить благодаря песни<sup>7</sup>; герои живы в слове, доблесть увековечена песнью, без неё всё покрыто мраком; слово живёт дольше, чем дело, и люди беспамятны к тому, о чём не сложена великая речь<sup>8</sup>. Этот мотив особенно прижился в жанре эпитафии, чьё непосредственное назначение в том и состоит, чтобы сохранять память о человеке; вновь и вновь воспроизводится один и тот же топос: «Место твоё — не этот маленький участок земли у надгробия, а вечность и память потомков»<sup>9</sup>.

Память потомков не следует преждевременно отождествлять с бездейственным упоминанием: воспоминание о славном предке обязывает соответ-

<sup>4</sup> Фрейденберг 2008, 82.

<sup>5</sup> Bakker 2008, 66–67. Исследователь обращает внимание на семантику μνήσχομαι и корня μνη-, связанную не только с интеллектуальными способностями (как в латинской mens), но и с «иррациональными» силами (как μένος).

<sup>6</sup> Sapph. Fr. 44 (Lobel); Hes. Fr. 70; Anth. Pal. 7.43, 9.704, 16.358; Bacchyl. 13.32; Dion. Hal. Ant. Rom. 11.13.2; Arr. Anab. 5.26.5; Dem. 22.77, 24.185.

<sup>7</sup> Sapph. Fr. 68 (Bergk); Thgn. 235–248; Tyrt. 9.

<sup>8</sup> Pi. P. 3.112–115, N. 7.10–14, I. 7.15–19. См.: Currie 2010, 71–84.

<sup>9</sup> См. многочисленные примеры в седьмой книге «Греческой антологии».

ствовать ему, подражать, делать его присутствующим в себе самом — вспомнить о нём значит перенять его черты и в каком-то смысле «стать им». Такова топка погребальных речей: по-настоящему помнить об умершем значит уподобиться ему, воплотить в себе его черты<sup>10</sup>. Мы не вполне согласны с утверждением, что подобный призыв к подражанию «служит целям идеологической пропаганды»<sup>11</sup>; по крайней мере, он этой функцией не ограничивается. Как и всякое общее место в античной риторике, это не бессодержательная фигура речи, а вполне осмысленный и закреплённый дальнейшей традицией призыв, пусть и утрачивающий со временем смысловое напряжение: слава делает умерших присутствующими, и по-настоящему помнить — значит быть, как они, заместить их, «стать ими». Лишь поэтому дальнейшей традиции было позволено раз за разом повторять топос «призыва к подражанию» в целях убеждения.

Это первый тип бессмертия, унаследованный от устной традиции, — бессмертие в славе, которая буквально оживляет героя, делает его вновь присутствующим, причём в той мере, в какой героическая песнь и погребальная речь возбуждают в слушателе стремление к подражанию, воспроизведению. Однако в письменной культуре постепенно складывается и другое понимание «литературного бессмертия», особенно в жанре историографии. Предисловия к историческим сочинениям полны таких формул, как «спасти от безвестности великие и удивительные дела, и всё, что будет достойным внимания», «вырвать у забвения то, что никто не рассказывал, и сохранить его для потомков», «сохранить от гибели дела минувших дней»<sup>12</sup>. Обращает на себя внимание, во-первых, смысловое ударение на забвении, безвестности. Конечно, поэтическое слово тоже противопоставляло славу смерти, но в нём власть времени и забвения не ощущается так настойчиво, как в исторической топике. Во-вторых, историограф предполагает и иной способ, каким он может «обессмертить» прошлое: спасти от забвения означает записать —

---

<sup>10</sup> Th. 2.43.1–5; Pl. Menex. 246d–247c; Lys. 2.69–70, 76, 81; Dem. 60.26; Нур. 6.40. См.: Межеричкая 2017, 173. Интересный пример даёт и «Жизнеописание Агриколы» Тацита. Он завершает это сочинение словами, что Агриколу почтили бы восхищением, бессмертными хвалами и, если бы позволили способности, то и уподоблением, ибо это подлинная почесть и преданность (Тас. Agr. 46). Мраморный памятник воспроизводит лишь телесный облик человека, и чтобы сохранить и выразить его духовную сторону, мы сами должны уподобиться ему, мы должны воссоздать те же нравы. Что бы ни любили и чем бы ни восхищались в Агриколе, он остаётся и останется в душах людей, в вечности времён.

<sup>11</sup> Межеричкая 2017, 176.

<sup>12</sup> Hdt. 1.1, Th. 1.1, J. VJ. 1.15.

не перенести в настоящее, чтобы воздействовать на людей, а сохранить прошлое, чтобы оно не было забыто. Сама память утрачивает прежние черты и становится интеллектуальной деятельностью, которая не нарушает дистанцию между настоящим и прошлым. Вероятно, поначалу история преследовала ту же цель, что и поэзия (имя Клио связано всё с той же κλέος, славой), а именно прославление прошлого, однако впоследствии на место славы пришла запись событий: иконографическими атрибутами Клио становятся свиток и стилус. Таким образом, к началу так называемой «классической эпохи» сложилось два условных типа литературного бессмертия: поэтический, где песнь не только обеспечивает герою «ритуальное присутствие», но и воскрешает его в подражающих ему потомках, и исторический, где труд повествует о деяниях прошлого, но не обязывает к подражанию. Весь этот контекст необходимо принимать во внимание при обращении к платоновскому «Пиру».

#### Речь Диотимы

Диотима в «Пире» говорит, что все люди беременны телом и душой, и что все они жаждут разрешиться от бремени в прекрасном<sup>13</sup>. Одних тяга к бессмертию воодушевляет на героические поступки, дабы те оставили непреходящую славу по своей добродетели<sup>14</sup>, другие стремятся увековечить себя в потомках, ведь и рождение — это тоже доля бессмертия<sup>15</sup>. Наконец, иные беременны душой, которая вынашивает разумение и прочие добродетели, таковы все поэты и изобретательные творцы<sup>16</sup>. Примечательно продолжение:

Да и каждый, пожалуй, предпочтёт иметь таких детей, чем обычных, если подумает о Гомере, Гесиоде и других прекрасных поэтах, чьё потомство достойно зависти, ибо оно приносит им бессмертную славу (ἀθάνατον κλέος) и сохраняет память о них, потому что и само незабываемо и бессмертно.<sup>17</sup>

Платон в «Пире» привносит в понимание литературного бессмертия нечто новое. Когда он пишет, что потомство Гомера и Гесиода воздаёт им «ἀθάνατον κλέος», речь идёт отнюдь не об их поэтическом даровании, поскольку сразу вслед за этим Диотима говорит:

<sup>13</sup> Pl. Smp. 206cd.

<sup>14</sup> Pl. Smp. 208cd.

<sup>15</sup> Pl. Smp. 206e.

<sup>16</sup> Pl. Smp. 209a.

<sup>17</sup> Pl. Smp. 209d. Пер. С.К. Апта.

Или возьми, если угодно, — продолжала она, — детей, оставленных Ликургом в Лакедемоне... В почёте у вас и Солон, родитель ваших законов, а в разных других местах, будь то у греков или у варваров, почётом пользуется много других людей, совершивших множество прекрасных дел и породивших разнообразные добродетели.<sup>18</sup>

Итак, беременные духовно оставляют в качестве потомства не только поэмы, но и законы<sup>19</sup>. Причём «речь Диотимы» не единственное место, где Платон их сближает.

Прежде всего, это седьмая книга «Законов»: обычно молодые люди читают и заучивают наизусть дурных поэтов, а даже если и хороших, то и у них встречается как прекрасное, так и дурное<sup>20</sup>. На вопрос Клиния, что же тогда следует предпринять, на какие образцы должен взирать юноша,<sup>21</sup> афинянин отвечает, что вся предыдущая беседа напоминает поэзию; из всего, что написано в стихах или прозе, лучше всего было бы нечто, напоминающее эту беседу<sup>22</sup> — она и есть образец для чтения и заучивания наизусть. Подобная аналогия встречается в «Протагоре»: учителя в школе преподносят детям для заучивания наизусть творения хороших поэтов, у которых много наставлений и энкомиев древним доблестным мужам, дабы ребёнок, соревнуясь, подражал им и стремился им уподобиться. «А как перестанут они ходить к учителям, то уже полис заставляет их учить законы и жить согласно этим образцам»<sup>23</sup>.

Этический подход к поэзии у Платона общеизвестен, но идея поэтического бессмертия из речи Диотимы предстаёт в новом свете. Из представленных выше двух типов литературного бессмертия Платон явно склоняется к «поэтическому». Он разделяет мысль о перенесении прошлого в настоящее путём воспоминания и воспроизведения, но становится более «избирательным»: слово поэта живо в душе, и потому нельзя допустить, чтобы образцом стал поэт, чуждый добродетели (причём поэзия — и даже честолюбие<sup>24</sup> — стоят выше отдельно взятого добродетельного поступка, так как она должна

<sup>18</sup> Pl. Smp. 209de. Пер. С.К. Апта.

<sup>19</sup> На что, как нам кажется, не все исследователи обращали должное внимание (в частности: Scott, Welton 2008, 128–129).

<sup>20</sup> Pl. Lg. 810e–811a.

<sup>21</sup> Pl. Lg. 811b.

<sup>22</sup> Pl. Lg. 811ce.

<sup>23</sup> Pl. Prt. 326ac.

<sup>24</sup> Причём честолюбие — как бы середина между телесной и душевной беременностью (Sier 1997, 130–139).

порождать добродетель). Платон придерживается мысли о том, что поэзия содержит в себе образец, *παράδειγμα*, который должен быть впитан слушателем. В этой воспитательной аналогии есть ещё один повторяющийся мотив, а именно заучивание наизусть. На наш взгляд, это согласуется с критикой письменного текста из «Федра»: Тамус говорит Тевту, что искусство письма поселит в души людей забвение, и что тот нашёл средство не для памяти, а для напоминания. Далее Сократ рассуждает об уязвимости записанных речей: если их спрашивают, то они отвечают одно и то же; говорят они разом ко всем — и к тем, кто их понимает, и к тем, кто нет; записанное слово не может защититься от несправедливой критики. Что же, в таком случае, делать? Нужно наносить письма на души своих учеников<sup>25</sup>, чтобы те черпали воспоминания изнутри самих себя, а не извне<sup>26</sup>.

Взгляд Платона прикован к этическому воздействию поэзии, чья обязанность возвращать добродетель в душах потомков. Нельзя сказать, что Платон совершенно выбивается из намеченных до него тенденций, ведь сказанное напоминает топику «призыва к подражанию». Его «вкладом», если говорить о терминах «новшеств», становится именно сознательный упор на этическом содержании: авторы погребальных речей призывали подражать умершим, поскольку те проявили добродетель; Платон внимателен к тому, какая именно поэзия учит подлинной добродетели, и лишь после ответа на этот вопрос имеет смысл призыв к подражанию.

#### Идея литературного бессмертия в эллинистическо-римскую эпоху

В речи Диотимы обращает на себя внимание ещё одно обстоятельство: поэмы воздают «ἀθανάτων κλέος» и непреходящую память не эпическим героям, но самим авторам этих поэм. В классическую эпоху этот мотив был выражен достаточно слабо, чего не скажешь о литературе последующего периода, где поэт начинает прославлять и себя самого, где он сам стремится стать бессмертным. Мотив того, что поэт наделяет бессмертием других людей, правда, нигде не исчез<sup>27</sup>, но стала бросаться в глаза отчётливая тенденция к самопрославлению поэта<sup>28 29</sup>.

<sup>25</sup> Pl. Phdr. 274c–277a.

<sup>26</sup> Pl. Phdr. 275a.

<sup>27</sup> Virg. Aen. 1.1; Prop. 3.3.17–18; Hor. Carm. 4.9.

<sup>28</sup> Catull. 1.9; Prop. 1.7.9; Ov. Met. 15.875–879; Mart. 10.2.12, 7.84.7–8. Эти примеры собраны в: Lelièvre 1952a, Lelièvre 1952b.

<sup>29</sup> В римской литературе оба мотива восходят к Эннию (Enn. V. 15–18 Vahlen).

Вероятно, это связано с изменившимся образом писателя. В эпоху эллинизма биографический жанр обращён не только к фигуре монарха, но также к профессиональному литератору, учёному и художнику<sup>30</sup>. Теперь не только поэт, но и грамматик стал человеком, достойным биографического сочинения. Честолюбие оратора кажется понятным, поскольку оно по существу мало отличается от честолюбия политика — но перемены заметны и здесь: оратор начинает восприниматься прежде всего как образцовый автор речей, и лишь во вторую очередь как участник политических событий. Иными словами, он бессмертен в своих собственных трудах, а не в памяти граждан: так, в риторическом упражнении Антоний стоит перед могилой Цицерона и осознаёт, что тот будет жив, пока живы его произведения<sup>31</sup>. Даже презирающий славу эпикуреец Лукреций полагает, что стихи его будут вечными<sup>32</sup>.

Широко известна эпитафия Эсхила, увековечившая его как участника Марафонской битвы, а вовсе не трагического поэта<sup>33</sup>. Но ситуация изменилась, и формулы бессмертия, причитавшиеся ранее павшим воинам<sup>34</sup>, полагались теперь и сочинителям: в 269 году Дексипп проявил личное мужество и стратегический гений, благодаря которым ему удалось защитить Афины от германских полчищ; дети составили метрическую надпись в его честь, где Дексипп прославляется как «*ῥήτωρ καὶ συγγραφεύς*», и ни слова о мужестве<sup>35</sup>.

Правда, всё это вносит некоторую путаницу в уяснение идеи литературного бессмертия, ведь в ряде случаев посмертная слава какого-либо автора ничем по существу не отличается от славы политического деятеля и даже просто экстравагантной личности, которая в эллинистическую эпоху удостоилась не менее пристального внимания биографического жанра, чем литератор или монарх<sup>36</sup>.

### Плиний Младший: бренность и литература

Плиний Младший писал о бессмертии и славе столь часто, что некоторым комментаторам приходилось его защищать от возможного подозрения в избытке тщеславия<sup>37</sup>. Возможно, причиной столь пристального внимания Плиния к этой теме послужило изменение роли литератора, который в эпоху

<sup>30</sup> Аверинцев 1973, 163.

<sup>31</sup> Sen. Suas. 7.2.

<sup>32</sup> Надеясь это новым философским содержанием (Segal 1989, 198–200).

<sup>33</sup> Курциус 2020, I, 444.

<sup>34</sup> Anth. Pal. 7.251, 7.258.

<sup>35</sup> Norden 1995, 241–242.

<sup>36</sup> Аверинцев 1973, 173.

<sup>37</sup> Sherwin-White 1966, 333.

принципата был вынужден писать «в стол», причём стремление обессмертить себя заставляло авторов тщательно шлифовать свои творения (так полагает Э. Лефевр)<sup>38</sup>. Возможно также, что Плиний унаследовал настойчивое внимание к этой теме от своего образца Цицерона, с которым он, по неоднократным собственным заявлениям, стремился состязаться.

Взгляд Плиния<sup>39</sup> обращён к будущему: именно от потомков, а не от современников, ожидает он суждения о своих речах, от них ожидает рассказов о славной дружбе между собой и Тацитом<sup>40</sup>: «Будет ли потомкам какое-либо дело до нас, я не знаю; мы, однако, достойны того, чтобы было — не из-за одарённости (это было бы высокомерно), а в силу усердия, труда и уважения к потомкам»<sup>41</sup>.

Но нас интересует упоминание бессмертия в контексте литературной деятельности. Сопоставляя деятельную и созерцательную жизнь, он пишет:

Полагаю счастливейшим того, кто наслаждается в ожидании доброй и сохраняющейся молвы и, уверенный в потомках, живёт с предстоящей славой. И мне, если бы не была перед глазами наградой вечность, нравился бы этот безмятежный и глубокий покой. Я считаю, что всем людям нужно помышлять или о своём бессмертии, или о смертности, и первым при этом стараться и добиваться, а вторым покоиться и расслабляться, и не утруждать краткую жизнь бранными трудами... Впрочем, ты не будешь противиться, поскольку непрестанно обдумываешь что-либо славное и бессмертное.<sup>42</sup>

Плиний раз за разом соотносит занятия словесностью с рядом таких понятий, как *fama* — *gloria* — *immortalitas* — *aeternitas*, и эта его настойчивость явно выходит за пределы «речевых фигур». Он видит какую-то жестокость в том, если умирает некто, готовивший «что-либо бессмертное»<sup>43</sup>, а затем добавляет: «Поэтому, пока у нас в распоряжении жизнь, постараемся, чтобы

<sup>38</sup> Lefèvre 2009, 285.

<sup>39</sup> Что до непосредственного влияния «Пира» на мировоззрение Плиния, то невозможно ни опереться исключительно на текстуальные совпадения, ни исключить его влияние целиком, поскольку «ἔρως τῆς ἀθανασίας» Платона (Pl. Smp. 207a) почти буквально повторяется в «*amor immortalitatis*» Плиния (Plin. Ep. 3.7.15) — возможно, под влиянием «*immortalitatis amor*» Цицерона (Cic. Marcell. 27), который, вполне вероятно, и был связующим звеном между ним и Платоном (о Платоне и Цицероне см.: Schofield 2022).

<sup>40</sup> Plin. Ep. 3.18.9, 7.20.2.

<sup>41</sup> Plin. Ep. 9.14.

<sup>42</sup> Plin. Ep. 9.3.1–2.

<sup>43</sup> Plin. Ep. 5.5.4.

смерть нашла как можно меньше того, что сможет уничтожить»<sup>44</sup>. В другом письме: «Если не дано делами, то уж точно учёными занятиями отодвинем ненадёжность и бренность времени; и раз уж нам отказано жить долго, то оставим нечто, что удостоверит, что мы жили»<sup>45</sup>. Бессмертие приписывается не только плодам учёной жизни, но и самой этой жизни, однако Плиний не рассматривает словесность как способ обессмертить своё имя, бессмертна лишь та наша часть, которую мы посвятили занятиям (как в «*Exegi monumentum*» Горація<sup>46</sup>).

В сравнении с предшественниками Плиний как-то иначе упоминает «бренность», беспощадный ход времени. В контексте литературного бессмертия поэзия о разрушительной силе времени практически не говорит<sup>47</sup>; история хотя и упоминает, но всегда противопоставляет ей труд по спасению от забвения, которым занят историограф<sup>48</sup>. Плиний же не просто видит её,

---

<sup>44</sup> Plin. Ep. 5.5.8.

<sup>45</sup> Plin. Ep. 3.7.14.

<sup>46</sup> Hor. Carm. 3.30.6.

<sup>47</sup> Плиний дважды соотносит бессмертие с поэзией. Октавию по поводу его стихов он пишет: «Держи перед глазами бренность, от которой ты мог бы себя оградить только этим памятником; ведь всё остальное — хрупкое и тленное — угасает и исчезает не меньше самих людей» (Plin. Ep. 2.10.4). А узнав о смерти Марциала, он вспоминает стих поэта, посвящённый ему, Плинию, прибавляя, что Марциал тем самым наградил его славой, похвалой и вечностью (*gloria, laus, aeternitas*); на возможное возражение, что стихи его вечными не будут, Плиний отвечает: «Может, и не будут, но он рассчитывал, что будут» (Plin. Ep. 3.21.6).

<sup>48</sup> Плиний несколько раз упоминает о бессмертии в связи с историографией. Во-первых, он рассказывает, что его дядя, Плиний Старший, начал писать «Германские войны» после сновидения, в котором Друз Нерон поручил ему «беречь его память и спасти от несправедливого забвения» (Plin. Ep. 3.5.4). Во-вторых, он предвещает Тациту, что его «Истории» будут бессмертными (Plin. Ep. 7.33.1). В-третьих, в знаменитом письме Тациту о гибели дяди при извержении Везувия Плиний говорит, что его собеседник мог бы доподлинно сообщить о ней потомкам: «Его смерть, если будет прославлена тобой, обеспечит ему бессмертную славу, твои труды придадут его присутствию вечность» (к сожалению, как раз эти книги Тацита до нас не дошли, но «обессмертил» своего дядю сам Плиний — и именно этим письмом). Вводная часть письма заканчивается словами: «Конечно, я считаю счастливыми тех, кому милость богов позволила или сделать то, что должно быть записано, или написать то, что должно быть прочитано; самыми же счастливыми тех, кому и то и другое» (Plin. Ep. 4.16.1–3). В-четвёртых, Плиний говорит, что цель истории — не допустить, чтобы исчезли люди, которым полагается *aeternitas* (Plin. Ep. 5.8.1–2), причём Плиний делает

она его по-настоящему страшит. Тот пафос, с каким римский писатель говорит о литературном бессмертии, напоминает скорее стоиков и перипатетиков с той лишь разницей, что они противопоставляли смерти добродетель или созерцание, ибо те не могут быть отняты смертью, а у Плиния эту роль играет словесность.

За несколько столетий идея литературного бессмертия существенно изменилась. Это бессмертие может полагаться, во-первых, герою поэтического произведения либо исторического повествования, во-вторых, самому произведению, в-третьих, его автору. В классическую эпоху подразумевалось чаще первое или второе: поэт славит героев, оратор призывает подражать павшим воинам, историк спасает от забвения деяния предков — но бессмертными могут быть и сами творения, будь то гомеровские поэмы или созданный на века труд историка<sup>49</sup>. Постепенно вырисовывается, а затем и начинает преобладать третье — претендовать на бессмертие может сам автор. Эта мысль встречалась и в классическую эпоху, но не так отчётливо, как в эллинистической и римской литературе.

Мы уже говорили, что изменение роли писателя привело к возможности его героизировать, так что литературная слава могла сравниться со славой политической, но она теряла при этом свои характерные черты, становясь «бессмертием в славе, которая дойдёт до потомков».

Интересно, что помимо «славы» у литературного бессмертия появляется ещё и религиозная трактовка, которую в достаточной мере исследовал Франц Кюмон. Музы способны наделить бессмертием того, кто посвятил жизнь поэзии и музыке, науке и философии<sup>50</sup>. Мы слышим отголоски подобной религиозности и у Плиния, который словно принёс обет посвятить свою жизнь литературным занятиям ради бессмертия. Многочисленные свидетельства о «литературном бессмертии» в связи с культом муз Кюмон рассматривает на фоне пифагорейского и платонического контекстов<sup>51</sup>, хотя порой и возникает впечатление, что он несколько преувеличивает их влияние на писателей того времени. Но немаловажно, что этот исследователь работал и с литературным, и с археологическим материалом: обнаружение мотива «литературного бессмертия» на надгробиях в некоторой степени расширяет картину — мы знаем, что это не только литературное упражнение наподобие того, когда

---

оговорку: вместе с их славой можно распространить и свою. Не составляет труда заметить, что Плиний целиком следует сложившейся у историков топике: «вырвать у забвения», «спасти от безвестности».

<sup>49</sup> Th. 1.22.4.

<sup>50</sup> Cumont 1966, 256; 267.

<sup>51</sup> Cumont 1966, 257–268.

разные авторы состязались в написании эпитафии Гомеру или Софоклу, прославляя их бессмертие.

Таким образом, перед нами ещё один смешанный тип литературного бессмертия, а именно развитие идеи бессмертия души, которого может удостоиться не только добродетельный муж, но также поэт и учёный, если в достаточной мере служил музам<sup>52</sup>. Становится понятнее, почему Птолемей Филопатор воздвиг Гомеру храм<sup>53</sup>, а Силий Италик с благоговением празднует день рождения Вергилия и посещает его могилу, словно святилище<sup>54</sup>. Последнее засвидетельствовано Плинием Младшим, сам же он не связывает муз с упованиями на собственное бессмертие<sup>55</sup>. Размышления Плиния пронизаны скорее этическим, чем религиозным пафосом: достоин бессмертия тот, кто содействовал бессмертию других. Нечто похожее мы встречаем в эпитафии по грамматiku (дословный перевод): «Памятник подлинный твой, Феодор, не на могиле, но в тысячах книжных страниц, которыми ты воскресил умерших, вырвав из забвения труд мудрых песнопевцев»<sup>56</sup>. Грамматик посвятил всю свою жизнь наследию древних поэтов, он вызвал их к жизни из забвения, а потому и сам достоин памяти — но он почтен не просто памятником: все будут его помнить благодаря тысячам написанных им страниц (я сохраняю, и потому достоин того, чтобы сохранили и меня как соучастника вечности и бессмертия других).

У Плиния есть нечто от религиозного служения музам, есть и стремление к славе литератора, однако ни тем, ни другим он не ограничивается. В тип «исторического» бессмертия его позиция не укладывается по той причине, что одной только записи о своих деяниях и литературных трудах ему недостаточно, хотя подчас и создаётся впечатление, будто он удовлетворён неким смещением литературного бессмертия с филологией. К типу «поэтического» понимания бессмертия его также не отнести, поскольку этическое воздействие на потомков им практически не предполагается<sup>57</sup>.

---

<sup>52</sup> Virg. Aen. 6.660–664. Вергилий перечисляет людей в такой последовательности: воины, жрецы, поэты (vates), люди искусства и те, кто делами оставил по себе память.

<sup>53</sup> Ael. VH. 13.22. См. подробнее: Dué, Lupack, Lamberton 2020.

<sup>54</sup> Plin. Ep. 3.7.8.

<sup>55</sup> Plin. Ep. 1.9.6.

<sup>56</sup> Anth. Pal. 7.594.

<sup>57</sup> Формула «словом и делом» служит скорее отсылкой к Цицерону, чем указывает на два самостоятельных ориентира. Плиний доверяется более своему слову, чем описанию Тацитом его политической карьеры.

Что именно, в таком случае, пытался обессмертить Плиний? Во-первых, свою жизнь — жизнь не приближенного к императору чиновника, а человека, посвятившего всего себя литературным занятиям. На тот момент образ сочинителя был уже в достаточной для этого степени «героизирован», в нём было нечто от подвига или служения. «Это исследовать, это изучать, этому предаваться — разве не [значит] превзойти свою смертность?» — так Сенека говорит о занятиях физикой<sup>58</sup>, а Плиний вполне мог бы отнести эти слова к занятиям словесностью.

Во-вторых, своё литературное наследие. Он желает стать образцом для подражания, каковым выступает для него Цицерон. Плиний состязается с ним в надежде и самому достичь такого совершенства, которое претендовало бы на образцовость, он желает войти в литературный канон, но не для того, чтобы служить юношам этическим примером (как герои энкомиев у Платона), а чтобы с ним состязались в слове. Войти в канон значит стать вызовом и образцом. Стать бессмертным автором означает преобразить жанр либо добиться в нём некоего совершенства, чтобы с ним приходилось считаться и состязаться. И в этом отношении мотив литературного бессмертия у Плиния обретает новое звучание: быть бессмертным в своих стилистически образцовых творениях.

### Заключение

Таким образом, в самых общих чертах мы наметили историю идеи литературного бессмертия. В эпоху устной традиции поэзия делала умерших, наряду с богами и героями, «ритуально присутствующими», песнь оживляла их. К опыту такого присутствия восходят истоки как историографии (Клио наделяет славой), так и поэтической традиции. В классическую эпоху идея литературного бессмертия ещё сохраняет в себе ряд древних черт: например, подлинная память об умершем предполагает подражание ему, перенятие его черт, в каком-то смысле «становление им». Так и у Платона литературное бессмертие значит следование образцам, но Платон уже осознаёт опасность, исходящую в этой связи от письменной культуры («будут черпать извне, а не изнутри самих себя»), и мыслит бессмертие в поэтических творениях по аналогии с бессмертием законодателя в законах: эти «письмена» должны быть нанесены на души потомков. Дело не в том, чтобы о поэте или законодателе знали, а в том, чтобы едва ли не инстинктивно ему следовали, то есть, перенимали черты справедливого мужа, становились им.

---

<sup>58</sup> Sen. QNat. 1.pr.17.

Конечно, во всём этом есть ряд «архаических» черт. Надгробие предка, например, обязывало к определённым образам действий, содержало безмолвный императив, а не просто осведомляло о том, что здесь покоится такой-то; поэтому общее место эпитафий «ты не под этим камнем, а в нашей памяти» следовало бы понимать чуть более буквально, чем мы склонны это делать. Да и сама память в эпоху устной традиции, если судить по гомеровскому эпосу, делала то, о чём вспоминают, непосредственно присутствующим: вспомнить о силе значит сделаться сильным, вспомнить об Аполлоне значит увидеть его присутствие.

Мы назвали такой тип литературного бессмертия в памяти «поэтическим», и к нему же тяготел Платон — в противовес иному, всё расширяющемуся пониманию литературного бессмертия — бессмертия в письменности, «историческому бессмертию». Этот тип отстоит уже дальше от архаики, он уже «не верит» тому, что записанное живёт и действует, оно только может быть приведено к жизни и действию, хотя от него этого и не ожидают; главное, чтобы прошлое было «вырвано у забвения». Но такому забвению противостоит не непосредственное присутствие в настоящем, как в «эпической памяти», а уведомление потомков, что имело место также и то-то, что жил также и такой-то.

Можно сказать, что агональное честолюбие воодушевляло по той причине, что если ты одержишь победу и прославишься, то с тобой будут считаться, вступать в состязание — это будет действенная память. Честолюбие вне этого состязательного характера сулило память любой ценой, главное, чтобы не забыли, и память о человеке перестаёт потомков к чему-то обязывать. Если сначала «достопамятное» относилось к чему-то, достойному памяти, подражания и состязания<sup>59</sup>, то впоследствии остаётся только первое, и достопамятное, *memorabilia*, относится ко всякого рода любопытным курьёзам.

В эпоху эллинизма литературная деятельность, во-первых, предоставила авторам (а не только героям) путь к бессмертию в славе, которое раньше принадлежало политической деятельности. Во-вторых, идея бессмертия души

---

<sup>59</sup> Слово *ἀείμηστος*, во-первых, часто использовалось применительно к *κλέος* и *δόξα* — это слава, которая сохранится на века (Th. 2.64, 6; X. Суп. 1.6; E. IA 1531; Isoc. 10.17, 14.53; Aeschin. 3.180; Lycurg. 110); а в более узком смысле памятник или трофей, который сохранится на века (S. Aj. 1166; Lys. 2.20). Во-вторых, оно применялось к добродетели, подвигам и другим делам, память о которых не изгладится (A. Pers. 760; Th. 1.33.1, 2.43.2; Lys. 26.4; Isoc. 9.4, 9.67; Lycurg. 7). В-третьих, оно употреблялось в косвенном значении, когда автор указывал, что нечто не обязательно хорошее надолго останется (в памяти людей или вообще в мире: Isoc. 4.157, 8.96; Aeschin. 3.148).

была переосмыслена в свете культа муз, так что человек, посвятивший свою жизнь музам, мог надеяться на посмертное существование. Оба этих типа мы назвали «смешанными», поскольку они развивают не собственно литературный мотив, а соединяют литературу с уже сложившимися представлениями о бессмертии (бессмертие в славе среди потомков и бессмертие души). На наш взгляд, у Плиния проявляется новая позиция, согласно которой литературное бессмертие означает, прежде всего, бессмертие в качестве непревзойдённого автора, вошедшего в перечень избранных образцов жанра, ставшего «классиком».

#### БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аверинцев, С.С. (1973) *Плутарх и античная биография*. Москва.
- Курциус, Э.Р. (2020) *Европейская литература и латинское Средневековье, в двух томах*. Москва.
- Межеричкая, С.И. (2017) “О жанре надгробной речи в античности,” *Элий Аристид. Надгробные речи. Монодии*. Москва, 165–196.
- Фрейденберг, О.М. (2008) *Миф и литература древности*. Екатеринбург.
- Bakker, E.G. (2008) “Epic Remembering,” E.A. Mackay, ed. *Orality, Literacy, Memory in the Ancient Greek and Roman World*. Leiden, Boston, 65–77.
- Cumont, Fr. (1966) *Recherches sur le symbolisme funéraire des romains*. Paris.
- Currie, B. (2010) *Pindar and the Cult of Heroes*. Oxford.
- Duè C, Lupack S, Lamberton R. (2020) “Homer: Image and Cult,” In: C.O. Pache, ed. *The Cambridge Guide to Homer*, 547–562. Cambridge.
- Finkelberg, M. (2020) *Homer and Early Greek Epic. Collected Essays*. Berlin, Boston.
- Fostler, J.L., ed. (2001) *Ancient Egyptian Literature. An Anthology*. Austin.
- Lefèvre, E. (2009) *Vom Römertum zum Ästhetizismus. Studien zu den Briefen des jüngeren Plinius*. Berlin, New York.
- Lelièvre, F.J. (1952a) “Aim and Motive in Roman Writers: Part I,” *Greece & Rome* 21 (61), 10–22.
- Lelièvre, F.J. (1952b) “Aim and Motive in Roman Writers: Part II,” *Greece & Rome* 21 (62), 64–71.
- Norden, E. (1995) *Die antike Kunstprosa. Vom VI. Jahrhundert v. Chr. bis in die Zeit der Renaissance. Band I. Zehnte Auflage*. Stuttgart, Leipzig.
- Schofield, M. (2022) “Cicero and Plato,” J.D. Atkins, T. Bénatouil, eds. *The Cambridge Companion to Cicero's Philosophy*. 88–102. Cambridge.
- Scott, G.A., Welton, W.A. (2008) *Erotic Wisdom. Philosophy and Intermediacy in Plato's Symposium*. New York.
- Segal, Ch. (1989) “Poetic Immortality and the Fear of Death: The Second Proem of the *De Rerum Natura*,” *Harvard Studies in Classical Philology* 92, 193–212.
- Sherwin-White, A.N. (1966) *The Letters of Pliny. A Historical and Social Commentary*. Oxford.

Sier, K. (1997) *Die Rede der Diotima. Untersuchungen zum platonischen Symposion*. Stuttgart, Leipzig.

In Russian:

Averincev, S.S. (1973) *Plutarkh i antichnaya biografiya*. Moscow.

Curtius, E.R. (2020) *Evropeyskaya literatura i latinskoye Srednevekov'ye* [Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter], in 2 vols. Moscow.

Mezheritskaya, S.I. (2017) "O zhanre nadgrobnoy rechi v antichnosti," *Eliy Aristid. Nadgrobnyye rechi. Monodii*. Moscow, 165–196.

Freidenberg, O.M. (2008) *Mif i literatura drevnosti*. Yekaterinburg.